

Смотритель. Книга 2. Железная бездна

Автор:

[Виктор Пелевин](#)

Смотритель. Книга 2. Железная бездна

Виктор Олегович Пелевин

Единственный и неповторимый. Виктор Пелевин

Алексис де Кижэ – Смотритель Идиллиума, нового мира, созданного Павлом Алхимиком и Францем-Антоном Месмером во времена Французской революции. Алексис – Блюститель миропорядка. Он создает Всё из Ничего и за этой работой беседует с Четырьмя Ангелами. Он равен Богу. Но... Смотритель сам не знает, кто он и откуда взялся. А выяснить это необходимо. Иначе он не станет настоящим Мастером и никогда не сможет сказать: «Мир – волшебный кристалл с безмерным числом граней, и повернуть его всегда можно так, что мы рассмеемся от счастья или похолодеем от ужаса...»

О чем эта книга на самом деле, будет зависеть от читателя – и его выбора.

Виктор Пелевин

Смотритель. Книга 2. Железная бездна

© В. О. Пелевин, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

И Андрей закричал: «Я покину причал,
если ты мне откроешь секрет!»

И Сиддхартха ответил: «Спокойно, Андрей,
Никакого причала здесь нет...»

Ветхая Земля, неизвестный автор

(Из архивов Железной Бездны)

I

Латинский дневник Павла Алхимика (1790–1801, тайная часть)

1790

Крысы, котята, голуби, стрекозы, мухи – все они выглядят здоровыми, но дух не желает входить в их тела. Вернее, дух входит – но не остается надолго. Прежде чем испустить его, мои несчастные создания делают несколько вялых движений, и, хоть на это время они неотличимы от живых существ, краткий миг их бытия слишком мимолетен.

Так же, наверное, дрожало бы мельничное колесо, если бы вместо речной струи на него вылился кувшин воды. Водопад жизни где-то рядом, но дотянуться до него я не могу.

Как пригласим мы дух в материю? Как вдохнем Улыбку Авроры в новый мир?

Я делаюсь чувствителен и плачу после своих неудач. Больше никаких синеглазых котят – особенно если их хватает лишь на один грустный взгляд. Только крысы, лягушки и пауки.

Брат Бенджамин уже ждет нас на том берегу; он сообщает, что чувствует себя чудесно и словно сбросил двадцать лет. Поистине, Флюид может все – но отчего его сила не желает проявить себя в моей работе?

1791

Гроза, осветившая сегодня ночную террасу, страшно исказила лица мраморных истуканов, и на миг мне сделалось жутко от их общества. Но одновременно в мою душу упал луч света. Я понял наконец, в чем ошибка.

Отчего-то я решил, будто муху или стрекозу создать легче, чем человека. Так, может быть, обстоят дела для Высшего Существа – но не для меня. Сколь мало я знаю о мышах и пауках, и сколь многое – о людях! Не проще ли мне будет достичь цели, приступив сразу к задаче великой и сложной, но внятной во всех ее частях?

Флюид может все, повторяет брат Франц-Антон – и я знаю, что он прав. Путей и троп вокруг нас бесконечно много, но слабый человеческий ум не видит окружающего ландшафта во тьме своего неведения – до тех пор, пока

не сверкнет случайная молния прозрения...

Сегодня я счастлив.

1792

Один из кадавров сказал сегодня что-то похожее на “Пить” – или, быть может, это мои надежды заставляют меня различать слова в их предсмертном хрипе.

Вскрытия раз за разом показывают, что полученные из Флюида тела совершенно неотличимы от человеческих. Отчего же мне не удастся создать пригодный к делу ум? Флюид не ошибается. Значит, что-то делаю неверно я сам.

Мне не дает покоя одна мысль. Мы, члены тайного Братства, дали клятву освободить человечество от мук. Но как можно победить страдание, не постигнув его природу? Сводя причины к материальным, мы сильно упрощаем дело – сколько богатых красавцев закончили жизнь, бросившись на шпагу, свою или чужую... Были, говорят, в восточных странах мудрецы, говорившие о причинах страдания. Но есть ли у боли причина иная, чем сама боль?

Мне не хватает сосредоточенности ума.

1793

Вот что открылось мне во время ночных раздумий: говоря, что любой человек – “дитя своего времени”, мы имеем в виду, что он воспитанник не столько своих родителей, сколько толпы. Он созревает из чужих мнений, впечатлений, опыта – словом, из потоков Флюида, проходящих сквозь чужие умы и души. “Личность” – творение всего человечества или хотя бы значительной его части. Именно это должна учесть моя алхимия.

Уловить в свои сети поток Флюида, как бы окрашенного в цвета чужих душ, захватить внимание и веру других умов – и направить их в сердце кадавра. Только так можно заставить мир согласиться с моим актом творения. Сами люди должны оживить моего питомца – так же, как они оживляют своих детей, идолов, богов и святых. Лишь тогда Флюид обретет требуемый модус.

Вот путь. Но я не буду шарахаться из стороны в сторону. Сперва следует составить подробный и выверенный во всех деталях план. Многое нужно взвесить не единожды, но трижды.

Не спешить, только не спешить.

Брат Франц-Антон пишет о серьезных проблемах, омрачивших наши опыты на том берегу. Несколько лучших медиумов мертвы. Созвездия нам не по зубам.

Но в наших планах это ничего не изменит – исход уже необратим. Следует полностью сосредоточиться на поставленной задаче.

В Париже все идет как задумано. Но боюсь, что смутой дело не кончится – брат Бенджамин посеял такой ветер, который будет приносить хорошие проценты не один десяток лет. Верно говорят – когда появляется много свободных умов, впереди великая война. Ибо лишь в ней они обретут окончательную свободу от темницы тела.

Рыцарь Справедливости сказал сегодня, что практики Мальтийского Ордена по высшему сосредоточению восходят в своей сути к учению бритоголовых монахов. Брат Франц-Антон тоже говорил, что этому учат на Востоке.

Перебравшись на тот берег, изучу сии науки глубоко.

1794 (?)

Сегодня, обдумав все в последний раз, стал действовать. Мой план подробен и точен; колебаться уже не следует – только неукоснительно выполнять.

Я начал с того, что незаметно исправил один из оставленных на подпись приказов по производству в офицеры. Добавив пером несколько крошечных черточек, я сделал из половинки слова, перенесенного на другую строку, новое живое существо по имени “подпоручик Киж” (ах, если б и в лаборатории все было так просто).

Я на всякий случай придал содеянному вид описки, могущей быть истолкованной двояко – чтобы не засекали беднягу писаря за подлог, если фокус не пройдет.

А потом запутал дело еще сильнее, зачеркнув строку с новорожденным – и дописав сверху “Подпоручик Киж в Караул”.

Когда наступила ночь, глухая и безлунная – я, зная, что приказ мой уже переваривается медленным умом канцелярии, совершил следующее: спустился из окна, держась за канат, почти до середины стены – и, повиснув над кустами, закричал громким, как возможно, голосом “Караул!”.

Через минуту я был уже в своей спальне. Как отрадно, что тело мое еще позволяет подобные упражнения!

На следующий день я потребовал доклада, кто кричал “Караул” под моими окнами. Замысел мой прост, как все умное: Киж-описку могли бы позабыть, но офицера, назначенного лично императором в караул – уже нет. А если в эту же ночь неизвестный прокричит “Караул” под императорской спальней?

В умах дознавателей будет посеяно следующее: в караул назначен Киж, Киж нигде нет. Под окном кричали “Караул”, кричавшего тоже нигде нет. Верно, “Караул” и кричал этот Киж – кто же еще?

Одно зацепится за другое, пойдут толки – и смятенные умы оплодотворят друг друга. Эти круги на воде будут отныне воспроизводить себя сами – но я намерен помогать им при каждом случае.

Чтобы не посмели свести все к недоразумению, изобразил великий гнев. Разбил стеклянную ширму, ущипнул беднягу адъютанта. Он покраснел, улыбнулся – и посмотрел на меня так, что покраснел уже я. Я до этого и не подозревал, что он *le bougre*, или, как говорят у них в казарме, жопник. А ведь я присматриваюсь к людям... Верно, впредь надо будет принохиваться.

Кстати, отчего любителей этого сурового солдатского удовольствия называют по-французски “болгарами”? Обратное было бы понятней. Видимо, История еще не открыла нам всех своих тайн.

Только что доложили – “Караул” кричал подпоручик Киж, коего ищут, но не могут найти. Все совершилось, как задумал.

Велел, как отыщут, сослать в Сибирь пешком – и приказ о сем вывесить везде, где возможно.

Теперь я не дам им его забыть.

1800

Брат Франц-Антон сообщает, что медиумов потребно будет скрыть “наверху” – там же, где мы возведем сокровенный Храм. Он не может объяснить причину в письме. Обещает рассказать при встрече и зовет скорее присоединиться к Братству на другом берегу.

Брат Бенджамин построил новую стеклянную гармонику и жаждет сыграть на ней лично для меня. Сердечные мои друзья, как не хватает мне вас на севере... Думаю о вас со слезами на глазах. Как одинок я среди здешних осин, на каждой из которых висит по хорошему иуде!

Императору, однако, сложнее устроить побег – ибо он есть заключенный, охраняемый сотнями часовых, отмечающих каждый его чих и движение. Но я придумал поистине изящный выход. Здесь мне поможет мой Киж – он, верю, созрел уже достаточно для того, чтобы шагнуть из небытия в бытие.

Его истории позавидует иной искатель приключений: был опиской, сделался офицером, потом сосланным злоумышленником. Вернулся, женился на фрейлине, произведен в капитаны, потом в полковники, а скоро будет и генералом. Он стал уже и отцом – что, замечу, вблизи казармы нетрудно даже для призрака. Совсем живой человек. И хоть никто его не видел глазами, умственно его касались многие.

Шпионы доносят, что его принимают за родственника Олсуфьева. Другие называют его беглым шуаном. Словом, про него ходят легенды.

Теперь осталось перейти к финалу.

Чтобы родиться, Кижу придется умереть. А поскольку он не человек, а умственный вихрь, возникающий во множестве сознаний, смерть его будет заключаться в том, что вихрю этому придется покинуть приютившие его головы,

как душа покидает тело. Эту искусственно выращенную душу я и предполагаю пригласить в гости, чтобы оживить созданный мною кадавр.

Сейчас о Кижэ знают многие – но думают о нем лишь изредка и случайно, как о любом другом человеке. Смерть его и похороны нужны для того, чтобы о нем вспомнили все – одновременно и вместе.

Как только вихрь Флюида обретет требуемую плотность, я уловлю его, отделию от основы – и направлю в грудь своего нового создания. Именно этого легчайшего касания, этой капли эссенции и не хватало моим опытам до сих пор.

1801

Итак, сегодня свершилось.

Хоронили Кижэ. За лакированным гробом на лафете несли ордена, шел полк с опущенными знаменами, ехали кареты. Рыдала безутешная вдова. Отдавал честь малыш сынишка. Толпа напирала со всех сторон.

Я выехал на мост на жеребце, черном, как зрак ночи. На голове моей была Шляпа Могущества, скрытая в черной треуголке – дар Франца-Антонэ. Когда гроб везли мимо, я поднял над головой Жезл № 2, симпатически связанный с камерой в моей лаборатории.

Я почти телесно чувствовал поток связанных с Кижэ прощальных мыслей, витающий над головами (служил, любил, обласкан императором, заговор, измена... многие шептались, что, снисходя к прежним заслугам, император велел бедняге принять яд, чтобы сохранить наследство вдове... чего только не думали о покойном). Но стоило мне воззвать к силе Флюида, как поток этот замкнулся на мне – и устремился в мой Жезл.

Словно невидимый вихрь поднялся над толпой – и, свернувшись в узкую воронку, втянулся в мой алхимический инструмент. Но сию картину видел оком мудрости один лишь я; для толпы же происходило иное.

Я держал Жезл как шпагу. Он действительно походит на нее блеском и длиной – так что все обратившиеся ко мне бесчисленные лица увидели: император

салютует усопшему. Немало было таких, кто прослезился – и дал мне дополнительную силу.

Жезл завибрировал в моей руке; уловленный им вихрь Флюида устремился в лабораторию, где в стенной нише висел на цепях кадавр, подключенный к магнетическому баку.

И когда, глядя на салютующего шпагой императора, площадь глухо заволновалась, я узрел оком мудрости, как кадавр в моей лаборатории открыл глаза.

Через полчаса я был уже там.

У него мое лицо, мое тело... Создавший его Флюид весь прошел через меня, так что в известном смысле он и я – одно. Страшно было смотреть в его глаза. Но еще страшнее – услышать первые его слова:

“Мука! О, мука жизни! За что, аспид, ты обрек меня на жизнь и смерть?”

Никакого ликования от удачи не осталось в моей душе; осталась только грусть. Я вспомнил то, о чем думаю теперь постоянно. Все тайные братства Земли хотели сделать людей счастливыми, не понимая до конца ни человеческой боли, ни счастья. Поэтому они лишь множили страдания.

Разве может доктор вылечить не понятную ему болезнь? Безумно даже надеяться достичь в таком деле успеха. Вот что нужно прояснить окончательно, вот чему следует посвятить усилия души – вижу теперь, что эта алхимия важнее всех прочих. Надеюсь, у меня будет для нее время.

“Так ты не рад жизни, братец?” спросил я.

Киж отрицательно покачал головой – но я подметил, что глаза его блестят наихитрейшим образом. Я тут же понял: он мало того что рад до безумия, но хочет еще и получить от меня солидную компенсацию за свою удачу. Поистине, какую еще аниму можно уловить в нашем сыром северном воздухе, среди воров, заговорщиков, пьяниц и гниющих по болотам трупов?

“Изволь, мой друг”, сказал я мягко, “ловлю тебя на слове. Я позволю тебе вернуться в небытие. Для того я тебя и создал”.

Его лицо исказилось ужасом.

“Не пугайся, не пугайся”, продолжал я. “Если ты выполнишь назначенное мной, я оживлю тебя вновь”.

“Как ты оживишь меня?”

“Той же силой, что создал”.

“Сумеешь ли ты это сделать?”

“О да”, ответил я без колебаний. “Ибо ты уже есть, и снова затянуть тебя в глину мне несложно. Ты будешь награжден за свою службу. Ты и твое потомство. Император не обманет”.

“Клянешься?”

Отчего-то мне показалось, что он пьян. Возможно, я и сотворил его таким.

“Клянусь”, ответил я.

Киж несколько раз моргнул.

“Другого выхода ведь нет?”

Я развел руками.

“Что мне нужно сделать?” спросил он.

Он хоть и пьян, а разумен, подумал я, и соображает проворно. Нет, не зря я столько лет повышал его в чине.

1801, февраль

Киж верит, что я верну его к жизни в счастливом месте. Правда, его представления о счастье вульгарны донельзя, но в этом не моя вина. Чувствую уже, что взвалил на себя еще одну великую ношу...

Несколько минут я сидел в неподвижности, размышляя о прочитанном.

Я никогда не придавал большого значения своему происхождению, считая его просто счастливым – или несчастным – лотерейным билетом, выпавшим мне при появлении на свет. Но теперь выходило, что билет был... не то чтобы фальшивым, раз по нему давали выигрыш, но каким-то очень сомнительным.

Чей же я потомок? Лабораторной крысы?

– Ты потомок Павла Великого, – сказал Ангел Воды.

– Если я потомок Павла, – отозвался я, – то почему ношу фамилию де Киже?

– «Де Киже» означает «созданный из Флюида».

– Так почему я тогда потомок именно Павла, а не Кижя?

– Потому что Павел и Киж – это одно и то же. Павел сотворил Кижя по своему образу и подобию. Это был его физический двойник, а после переселения в Идиллиум они как бы стали одним потоком Флюида, поочередно проявляющим свои противоположные аспекты. Трагизм – вернее, комизм ситуации был в том, что личность Кижя, уловленная шпагой Павла в гнилом петербургском эгрегоре, оказалась примитивной и низменной. Это был некий усредненный петербургский прапорщик – туповатый пьяница, склонный к распутству, но не лишенный хитрости. Мало того, у него были даже известные способности по управлению Флюидом, унаследованные от создателя.

– Какие?

Ангел улыбнулся.

– Ты об этом еще узнаешь. Скажем так, они произвели впечатление на самого Павла, которого вообще-то было трудно удивить. В общем, никакой технической разницы между потомством Павла и Кижы не существует. Поэтому Павлу оказалось несложно выполнить первое обещание, данное Кижу в обмен на его самопожертвование.

– Что он обещал?

– Ты мог бы догадаться. Он обещал, что роду де Кижы будет принадлежать высшая власть в Идиллиуме. Это обещание неукоснительно исполняется – все Смотрители носят фамилию «де Кижы». Правда, несколько поменялся смысл выражения «высшая власть».

– А почему наш род... Если это вообще можно назвать родом... Почему он такой большой? Де Кижы в Идиллиуме можно найти почти под каждой крышей.

– Отнюдь не первый случай в истории, – ответил Ангел. – Чуть ли не четверть жителей Центральной Азии – прямые потомки Чингисхана. Это связано со сластолюбием древнего властителя – и с широкими возможностями по его удовлетворению, которое давала административно-кочевая деятельность. На войне и в любви Чингисхан мыслил табунами, и в последнем отношении Киж оказался весьма на него похож.

– С Чингисханом понятно, – сказал я. – Но откуда такие возможности появились у Кижы? Он же вроде не был завоевателем.

– Не был, – согласился Ангел. – Но Павел дал ему в Петербурге еще одно ручательство, которое оказалось несколько легкомысленным. Он обещал, что Кижу будут принадлежать красивейшие женщины нового мира. Прельстил его, так сказать, обещанием гурий... Павел говорил метафорически. А Киж понял все буквально – и, когда Павел вернул его к жизни в Идиллиуме, в первую очередь напомнил именно об этом.

– И чем кончилось? – спросил я.

– Кончилось? С этого все только началось. Павел был воспитан в традициях романтического рыцарства и не мог взять назад свое слово – особенно данное человеку, согласившемуся за него умереть. Для Павла настали тяжелые дни. Ему приходилось постоянно заводить интрижки с фрейлинами и красавицами. Те, конечно, не могли устоять перед чарами великого алхимика. А цветы наслаждения срывал за него Киж – поскольку их сходство было абсолютным.

– Как Павел согласился на такое?

Ангел засмеялся.

– Павла мало интересовали телесные радости. А ходившая о нем куртуазная слава весьма устраивала его в качестве одной из масок, которые он так любил. Легенда о Галантном Алхимике, все эти «пятьсот любовниц Павла Великого» и прочие мифы берут свое происхождение именно здесь. Киж оказался не только любвеобилен, но и плодовит. Многочисленные «бастарды Павла Великого» получали фамилию «де Киж». Но это было не уловкой, обычной в таких случаях, а прямым указанием на подлинное отцовство.

– Значит, я на самом деле все-таки потомок этого Киж?

– Повторяю, правильнее считать, что ты потомок Павла, – сказал Ангел. – Киж был его точной физической копией, сохранившей даже его недуги. А личность Киж не имеет к тебе никакого отношения. Создание Киж – важнейшее событие в жизни Павла, Алекс. По сути, именно этот алхимический акт мы и воспроизводим в ритуале Saint Rapport. Это был акт подлинного творения. Опыт Павла оказался не просто успешен, а чересчур успешен.

– Что значит – «чересчур успешен»?

– Знаешь, есть такая пословица – «первый блин комом». Ком – это шар. То есть нечто такое, из чего можно нарезать много-много блинов. Смысл выражения в том, что в первый опыт часто вкладывают излишне много сил, и результат оказывается, как бы сказать... Чрезмерным.

– В каком смысле?

– В том, что, несмотря на воскрешение Киж в Идиллиуме, первоначальному Кижу так и не удалось до конца умереть в Петербурге.

– Как это?

– Он вышел у Павла слишком живучим. Практически бессмертным. Его физическое тело было очень трудно убить. А тонкие оболочки – те, что называют эфирным и астральным двойником – оказались настолько прочными, что ни одна сила на Ветхой Земле не могла их разрушить.

– Но его все же убили?

– В некотором смысле да, – сказал Ангел. – А в некотором – нет. То, что я скажу тебе сейчас, – одна из самых тщательно охраняемых тайн дома Романовых-Гольштейн-Готторп-Гогенцоллернов. Понадобилось сто семьдесят два удара табакеркой в висок, чтобы Киж только потерял сознание и прекратил сквернословить. Его тело расчленили, но сердце продолжало биться еще трое суток... С физическим телом заговорщикам удалось кое-как справиться, растворив его в кислоте, но тонкая оболочка Киж оказалась неубиваемой. Нерастворимой, так сказать, в мировом эфире. Мало того, она как бы прикипела к месту убийства, оказавшись привязанной к спальне Павла своего рода энергетическим поводком. И призрак Киж действительно бродит до сих пор по коридорам Инженерного замка.

– То есть призрак, о котором говорил Алексей Николаевич – это Киж?

– Конечно. Как ты думаешь, почему несусеверные Романовы покинули дворец, построенный с такими затратами? Почему они отдали его под училище и стали обдирать с него серебро и мрамор?

– Не знаю, – ответил я. – Наверно, из-за цареубийства.

– Цареубийство в Ветхой России всегда было нормой. Призраками царскую семью не удивить. Но если со своим бесплотным родственником Романовы еще смогли бы сожительствовать, зажигая ему в дворцовой церкви свечи

и лампадки, то Киж по своим проявлениям больше напоминал демона, чем мирное привидение. Он...

Ангел запнулся, словно не решался продолжить.

- Что он?

- Он был создан из такого переизбытка Флюида, что мог даже приобретать физическую телесность. Делать то же самое, что ты сделал с рукой во время опыта в парафиновой ванне. Киж мог на короткий срок оплотнеться всем телом. Или материализовать небольшую свою часть - но уже надолго. Если ты вспомнишь, что у Киж было больше пятисот любовниц, ты без труда догадаешься, с какой именно частью своего тела он это проделывал. А у Романовых были дети. Дочери. Понимаешь?

- Что же он за монстр? - недоверчиво прошептал я.

- Он не монстр, - ответил Ангел. - Просто дитя своего времени. Павел создал его главным образом из Флюида, выделенного гвардейским полком - на площади в то время были одни унтера. Киж и не мог получиться другим. В этом нет его вины. Теперь понимаешь?

Я отрицательно покачал головой.

- Павел, как и обещал, оживил Киж в Идиллиуме, - продолжал Ангел, - но новое бытие бедняги оказалось неустойчивым и зыбким, потому что его незримая неубиваемая основа осталась в Петербурге. Киж успел наплодить здесь потомства, но после смерти новой физической оболочки дух его обрушился назад - в ту самую спальню, где он был убит.

- Хорошо, - сказал я. - Это очень интересно. Но все равно ничего не сходится.

- Что не сходится?

- Пускай Киж прикован к месту своей смерти в Михайловском замке на Ветхой Земле. Но ведь там был не Киж. И руку в парафин опускал не Киж, а я!

Ангел улыбнулся.

– Алекс, – сказал он, – вспомни, кто ты. Твое имя – Алексис де Кижэ. Другими словами, ты тот самый поток Флюида, из которого Павел когда-то создал своего первого гомункула. Но отделить этот поток от самого Павла невозможно, поэтому ты потомок не столько Кижэ, сколько Павла. Он – исток реки, а ты – ее устье. Эфирное тело Кижэ, прикованное к Инженерному замку, – тоже часть потока. Если угодно, река в ее среднем течении. Таков корень, откуда растешь ты и весь ваш род.

– Спасибо.

– Из-за этого твое сознание может соскальзывать в неуничтожимую оболочку Кижэ и одушевлять ее. То же самое способны делать все другие Смотрители из рода де Кижэ. Поэтому, хоть они мало походят друг на друга, в парафине всегда отпечатывается одна и та же рука. Рука изначального Кижэ. Она же рука Павла, потому что внешне они были неотличимы. Это, если угодно, ваш родовой аттракцион. Нечто, придающее вашей фамилии поистине царское величие.

Некоторое время мы молчали – и я с наслаждением следил за тем, как последние осколки ледяного ужаса, совсем недавно заполнявшего мою грудь, тают от эха этих слов.

– Теперь ты успокоился? – спросил Ангел.

Я кивнул.

– Почему, спрашивается, нельзя было меня предупредить?

– Потому, – ответил Ангел серьезно, – что это не помогло бы. Видишь ли, нет никакой возможности доказать, что мой рассказ – не посмертная хитрость призрачного Павла, прячущего от себя страшную правду.

У меня екнуло в груди.

– Черт, – простонал я. – А вот это зачем надо было мне сейчас говорить?

Ангел захохотал. В этот раз он смеялся долго, очень долго – и мне показалось, что он разрастается надо мной в огромную электрическую тучу, откуда вот-вот ударит молния. Но все кончилось иначе – небесный хохот словно бы истощил его, и часовня вернулась к своему прежнему виду. Ангел сжался до размеров своей статуи – и я понял, что наш разговор обессилил его.

– Будь достоин своей великой свободы, – сказал он. – Завтра в Михайловский замок прибывает твой новый ментор Менелай. Он обучит тебя управлять Флюидом. Как только ты приобретешь необходимый минимум навыков, мы встретимся вновь. Приступай к тренировкам немедленно и ни на что не отвлекайся.

– Хорошо, – сказал я. – Могу я задать еще один вопрос?

– О чем?

– О Юке.

– Что ты хочешь спросить?

– Помните, вы спорили с другими Ангелами? Я не понял, почему вы сказали, что она – проекция моего сознания.

– Мы все проекции сознания друг друга, – сухо ответил Ангел.

– Но вы говорили, Оленьим Парком занимается Департамент Воды. И поэтому вы...

– Забудь про Юку и Олений Парк. До того как ты завершишь тренировку, не смей даже думать ни о чем постороннем. Тем более о женских юбках.

– Но...

– Забудь хотя бы до конца занятий с Менелаем, – повторил Ангел. – А еще лучше – совсем. Теперь иди.

Я поклонился. Когда я снова поднял голову, Ангел стоял на своем прежнем месте в углу.

Выйдя из часовни, я поглядел на статую Павла Великого у входа. Павел держал в одной руке длинное копье – офицерский эспантон. Палец другой его руки был приложен к губам.

Павел советовал помалкивать, но стоящий рядом Франклин не слушался – и тихо-тихо пел.

II

Менелай, мой наставник в изучении Флюида, был тем монахом, что вез меня на монгольфьере вместе с Галилео. Готовясь к встрече, я заглянул в комментарий к табели о духовных рангах. Оказалось, слово «невозвращенец» не было расплывчатой метафорой: чин зауряд-архата (или, что то же самое, анагамина) означал последнюю жизнь в человеческом теле.

Говорят, у подвижников, достигших подобного совершенства, бывает тяжелый характер – или так кажется нам, обывателям, потому что за годы своей практики они полностью сжигают привычку к ежеминутной мелкой лжи, делающей нормальное человеческое общение возможным.

С ними действительно нелегко иметь дело – если вы подходите к подобным существам как к людям. Но для меня Менелай стал скорее говорящим учебником. И в этом качестве он не имел себе равных.

Менелай был монахом Желтого Флага. До ухода из мира он служил старшим шивой в департаменте Земли, отвечая за сельскохозяйственные урожаи и надои – ему, видимо, я и был обязан бесконечными унылыми дождями своей юности. Он обладал чудовищной силой – но не собирался передавать ее всю: нашей целью был всего лишь необходимый для Смотрителя минимум знаний.

Уроки наши продолжались почти месяц и оказались очень интересными. Но понять, что на них происходило, сможет только другой работающий

с Флюидом медиум – поэтому я не буду углубляться в детали и сведу эту часть своего рассказа к минимуму.

Менелай обучал меня взаимодействию с физическими объектами (что включало их создание и уничтожение). В его манере говорить проскальзывало что-то провинциально-буколическое, но я не роптал. Это даже успокаивало.

– Как ты думаешь, почему медиума, работающего с Флюидом, называют «шивой»? – спросил он во время первого урока.

Я пожал плечами.

– Это имя используется, потому что Шива – бог, занятый одновременно творением и разрушением. Они кажутся взаимоисключающими, но на самом деле невозможны друг без друга – без творения нечего разрушать, а без разрушения негде творить. Эти два аспекта связаны друг с другом через танец.

– Как именно? – спросил я.

– Через танец, – улыбнулся Менелай. – Когда ты спрашиваешь «как именно», ты просишь связать их через слова. Но здесь не дается подробных объяснений – как и при обучении танцу. Когда ты танцуешь, ты не вспоминаешь названия движений. Ты не планируешь, куда поставить ногу, и не размышляешь, как оторвать ее от земли. Танцор делает все интуитивно, ухитряясь не наступать на туфли партнерше и не толкать стоящих рядом. Он чувствует ритм и совершает единственное движение, правильное в этот миг. Последовательность таких движений и есть танец. Шива не говорит, а танцует.

Менелай сделал несколько вальсирующих шагов. Он явно отстал от эволюции танца – что, наверное, и позволяло ему пользоваться подобными метафорами.

– Как только ты перестанешь быть частью танца, – продолжал он, – ты отдавишь партнерше ноги, врежешься в соседнюю пару и твое личное самовыражение станет препятствием для мироздания... Даже Шива танцует, подчиняясь правилам. Разница лишь в том, что его танец происходит в самом центре мира. Но это не значит, что у него больше свободы. У него больше ответственности. От его танца зависят танцы остальных.

За этой сельскохозяйственной поэзией стояли на самом деле простые вещи. Флюид обладал чем-то похожим на физические качества – вязкость, густоту и так далее (сравнение приблизительное, но лучшего нет). Ему была свойственна как бы собственная частота вибраций – и направленные на него влияния должны были попадать с ней в резонанс.

Это действительно походило на танец с партнершей – огромной, как гора, и весящей столько, что торопить или удерживать ее было бесполезно. Следовало подлаживаться под ее темп – но если удавалось на миг стать с ней одним, она послушно двигалась туда, куда ее направляло легчайшее касание перста.

Отчего-то мне казалось, что в мемуарах Моисея, когда их найдут, будут описаны очень похожие взаимоотношения и с Красным морем, и с Иеговой Четырехбуквенным.

Постепенно я стал лучше видеть, что происходило при простых манипуляциях с Флюидом. Например, у нас было упражнение: «открыть стену» (то есть пройти через нее).

– Пройти сквозь стену, конечно, нельзя, – сказал Менелай. – Но можно пройти через проделанную в ней на время брешь, что выглядит точно так же.

Флюид совершал во время этой операции два разных действия, похожих на движения волны, сперва размывающей преграду, а затем отбегающей назад, оставляя все таким, как было.

Между этими фазами возникал как бы миг неясности, заминка – тогда-то и можно было проскользнуть сквозь брешь, появлявшуюся не то в стене, не то в самой реальности. Менелай был прав, обсуждать тут было нечего: такая же брешь образовывалась и в понимании происходящего. Иначе люди давно описали бы все в книгах и занимались бы только хождением через стены.

Тем не менее кое-что я все-таки понимал. Чем острее становилось мое внимание, тем короче делались отрезки, на которые дробилось время – и когда их последовательность превращалась как бы в бесконечное многоточие, я начинал видеть, что нет ни стены, ни дыры в ней, а есть Флюид в разных фазах – то

застывший камнем, то разогретый в газ, то ставший пустотой.

Я вообще ничего не делал с миром, а всего лишь заставлял Флюид менять состояние и форму. Вернее – и в этом было, если разобраться, самое главное и головокружительное, – я не столько заставлял Флюид трансформироваться, сколько учился миг за мигом видеть его по-разному, как бы меняя собственную скорость. Это давало тот же результат.

Четыре Великих Элемента были просто разными состояниями Флюида – твердым, жидким, газообразным и огненным. Это было для меня ясно как день – но я знал, что ученые монахи, лишённые практического опыта, склонны считать подобные утверждения ересью: в монастыре, где я вырос, одного из монахов при мне выпороли за похожее заявление солеными розгами.

Теперь я знал, что он был прав, – и понимал, почему другие монахи не могли убедиться в этом сами: чтобы замечать такие вещи, следовало иметь очень тренированное и подвижное внимание.

Я думал, что Менелай научит меня использовать Флюид в боевых целях. Но он этого делать не стал.

– Никколо был мастером боевых искусств, – сказал он. – Это его и погубило. Он постоянно искал, где себя показать. Его убийцы знали об этом и регулярно обводили его вокруг пальца. В последний раз – вообще вокруг хвоста...

И Менелай захохотал над собственной шуткой. Он, несомненно, был знаком с обстоятельствами гибели Никколо Третьего – и, хоть в его словах не было особого уважения к памяти покойного, по существу он был прав.

– Я учил Никколо строить из Флюида башни, – сказал он. – Объяснял, как сжимать пространство в точку и вообще показывать разные фокусы. А потом научил его сражаться. Тем самым я вырыл ему могилу... С тобой я этой ошибки не повторю. Я научу тебя только одному – останавливать наносимый тебе удар. Создавать между собой и атакующим преграду из Флюида. Все остальное время ты должен убегать как можно быстрее. Если б Никколо придерживался этой тактики, он до сих пор бы лапал своих девчонок...

Менелай все время повторял, что его роль – научить меня хорошо чувствовать Флюид и легко приводить его в движение, а особым навыкам, необходимым именно Смотрителю, меня научат Ангелы. В конце концов я не выдержал и попросил его объяснить, что это за таинственные навыки.

– Я просто не знаю, – улыбнулся он. – И не хочу.

– Почему? – спросил я.

– Если выяснить о мире слишком многое, придется специально сюда возвращаться, чтобы это забыть. А я все-таки невозвращенец.

Он, однако, знал о мире немало – и немало странного. Когда я сталкивался с фрагментами этого знания, у меня от изумления кружилась голова. Но происходило подобное чаще всего случайно – Менелай никогда не объяснял мне того, без чего в нашем обучении можно было обойтись.

Однажды он посадил меня за стол, сел напротив и положил между нами резонатор – медную горошину с еле намеченными чертами человеческой головы (в ордене Желтого Флага считалось, что это символическая голова Франца-Антоня, но резонаторы не особенно ее напоминали и даже редко походили друг на друга). Затем он попросил меня растворить резонатор в воздухе, навсегда и без остатка.

Сперва это показалось мне невозможным. Даже проходя через стену, я не распылял ее материальность полностью, а просто заставлял на миг расступиться. А здесь Менелай потребовал, чтобы трансформация была постоянной и шарик нигде не возник снова.

Я немедленно задался вопросом – куда при этом денется медь? Может быть, в воздухе станет больше ее частиц? Или она где-то выпадет в осадок? Подобное, конечно, совсем меня не касалось, но я не мог забыть эту глупую проблему.

Потом я вспомнил, что металл, как и все остальное, есть просто форма Флюида, и дело чуть стронулось с мертвой точки: горошина начала худеть. Менелай внимательно смотрел на нее – а я чувствовал, как в моем солнечном сплетении нарастает боль, словно в живот мне уперся чей-то острый локоть.

Прошло минут десять, и в медной голове появилась отчетливо видная ямка на месте глаза. Еще час или два, думал я, и дело будет сделано. Если, конечно, я не умру от боли под ложечкой...

Глядя на меня, Менелай недовольно морщился.

– Ну что это за мальчишество, – сказал он наконец. – Хозяева Флюида так себя не ведут.

– Я что-то делаю не так? – спросил я удивленно.

– Нет, – ответил Менелай. – Ты делаешь не так не что-то, а все. Тебе нужно избавиться от кусочка меди. Почему бы тебе не опустить его под стол, чтобы я его не видел? После этого он исчезнет быстро и незаметно. Зачем создавать столько промежуточных стадий у меня на виду? Это неэкономно. Трансформу не проводят, когда ее объект доступен чужому вниманию... Конечно, за исключением случаев, когда целью опыта является именно демонстрация трансформы. На Ветхой Земле это называют чудесами. Но те, кто этим занимается, обычно живут недолго.

Он положил передо мной второй резонатор. У этой медной головы был большой блестящий нос и дырочка на темени – она, похоже, была снята со старых четок.

– Попробуй сам.

Я сжал резонатор в кулаке, убрал руку под стол, направил в горошину Флюид – и она послушно исчезла через несколько секунд.

Боль в моем животе при этом полностью прекратилась.

– То есть мне следует шустрить у людей за спиной? – спросил я.

– Так же поступает и Бог, – улыбнулся Менелай. – Ведь мы не видим, например, как седеют волосы. Или как растут ногти. Мы замечаем, что волосы поседели, а ногти отрасли. Хотя теоретически этот процесс занимает много времени.

Я поглядел на его голову. Щетинки над ней не торчали – он был тщательно выбрит. Но в парик, выколотый на его коже, добавилась татуированная седина. Я точно помнил, что во время нашей встречи на монгольфьере ее там не было. Видимо, Менелай с тех пор выбелил рисунок, чтобы случайно не нарушить монашеских правил, запрещающих косметику. Такое буквальное выполнение обетов впечатляло: Менелай явно не собирался возвращаться в эту скорбную юдоль ни при каких обстоятельствах.

– Все происходит постепенно, – сказал я. – Мы просто не обращаем внимания.

– Если бы ты занимался духовной практикой, – ответил Менелай, – то знал бы, что такой вещи, как «внимание», вообще нет. Как и все остальное в человеческой голове, это всего лишь остроумная игра слов. Мы называем словом «внимание» то обстоятельство, что в сознании происходит определенный процесс. Скажем, некий объект длительное время существует как центральный сегмент поля восприятия. При грамотной работе с Флюидом медиум сначала убирает этот сегмент из чужих умов. А потом делает с ним что хочет. Вспомни: что видят двое, видит Верховное Существо. А то, что видит один, – это личное путешествие. Если мастер Флюида – а Бог, как известно, лучший из его мастеров – захочет скрыть перемену, ее не заметит никто.

– Но у этого принципа есть границы, – возразил я. – Ведь есть не только память, но и память о том, какой была память. Некий центральный реестр ума, где записано главное.

– Изменить в человеческом сознании можно все. В каком угодно реестре и картотеке. Там нет ничего постоянного. Память – и личная, и историческая – это просто колода карт. Если к ней приближается шулер, мы можем за пять минут переехать в другой мир. А шулера треплют эту колоду, вырывая ее друг у друга, всю историю человечества.

– Историки говорят, у них все ходы записаны, – сказала я.

– Конечно, – ответил Менелай. – Кто бы сомневался. Но почему-то на той же самой колоде.

– А что, другой нет?

Менелай развел руками.

- Увы. Человеческому уму негде бросить якорь.

- Что, и я тоже просто колода карт?

Он кивнул.

- Кто тогда мной играет?

Менелай весело посмотрел на меня.

- Ни ты, ни я никогда этого не узнаем, - сказал он. - Ни один самый мудрый историк - ни здесь, ни на Ветхой Земле - никогда не выяснит, кто, как и почему меняет мир. По той простой причине, что мы способны замечать изменения лишь тогда, когда нам оставляют о них память. Сейчас тебе повезло, потому что твоей колодой играю я.

- В каком смысле?

Он сощурился.

- Ты помнишь про третий резонатор?

- Какой?

И вдруг я вспомнил, что перед последним опытом Менелай продемонстрировал, как именно следует сжать медную голову в кулаке - и даже объяснил, что медь особенно легко поддается трансформации под действием Флюида.

У него действительно был еще один резонатор - тоже со старых четок, с дырочкой сквозь оба уха, что показалось мне смешным... Он на секунду спрятал руку с ним под стол - а когда вынул ее и разжал кулак, его ладонь была пустой.

Я про это почему-то забыл – причем полностью, хотя сразу же повторил вслед за ним то же действие. Я помнил только, как он выложил на стол следующую медную горошину – и сказал: «Попробуй сам».

– Как... как...

– Вот именно так, – ответил Менелай. – Все тайные перемены в мире осуществляют похожими методами.

– А я смогу научиться этому? – спросил я.

– Надеюсь, нет. Смотрителю подобное не к лицу.

Я знал, что настаивать бесполезно – да мне и не особо хотелось. Такие навыки и правда полезны только фокуснику или шулеру. Но затронутая тема была очень интересна. Если, думал я, какая-то сила действительно тайно меняет наш мир, знает ли Менелай, что она такое? Или нет?

Но внятного ответа я не получил.

– Это не входит в круг интересов невозвращенца, – сказал Менелай. – Хотя, как ни странно, сильно занимает некоторых архатов. Если попадешь в Железную Бездну, поговори с тамошними монахами. У них интересные идеи на этот счет.

Опуская всю специфику, скажу, что к концу нашего общения я научился очень многим практическим навыкам – как пошутил сам Менелай, если считать Флюид велосипедом, теперь я умел на нем кататься. Но, даже научившись возводить из Флюида стены, я так же мало понимал его природу, как до начала занятий.

Последнее, что сказал мне Менелай при нашем расставании, удивило меня своей банальностью.

– Помни, Алекс – самое надежное на свете может оказаться просто миражом. Даже самое-самое знакомое и дорогое... Поэтому бери пример с меня – никогда не стремись узнать то, без чего можно обойтись. И не держись за то, за что можно не держаться. В этом залог счастья.

Он был прав, так прав... Но я пропустил его слова мимо ушей. А зря – наверняка этот монах видел будущее: беда уже летела на меня в ту минуту на своих черных крыльях, и я сам отчаянно зазывал ее в гости.

Мое счастье рухнуло внезапно, из-за одного глупого вопроса – и виною всему, конечно, был я сам. Это случилось через день после отъезда Менелая.

Был вечер. Мы с Юкой сидели на высокой террасе Михайловского замка, любовались закатом и пили чай.

Террасу окружала ограда с мраморными вазами и драконами, украшенными фосфорической эмалью – такая отделка была в моде век или два назад. Эмаль уже начинала понемногу отдавать свет, поглощенный днем. Ее таинственное сияние успокаивало.

На столе стоял походный чайник-самогрев, ваза с фруктами, тончайший глиняный сервиз и коробка бисквитов «Сны Горного Старца» с изображением бородатого ассасина, спящего среди голубых роз. Кажется, владельцем пекарни, где делали это печенье, был известный солик, рухнувший было в пучину зла, но нашедший в себе силу выбраться из личной бездны и стать кондитером.

После отъезда Менелая мне казалось, что я, как этот бородач на коробке, блаженно заснул на нездешнем лугу и вижу счастливый до неприличия сон.

Солнце, как часто бывает в начале осени, садилось не за сам горизонт, а за полосу фиолетовых туч. Эти далекие, словно из другой вселенной, облака причудливых и романтических форм отчего-то казались подлинным Городом, а наша каменная столица с ее шпилями, обелисками и крышами – всего лишь разминкой Создателя, пробующего себя на хрупкой глине, перед тем как начать творить из вечного небесного пурпура.

Облачный город был далек и огромен; закатное величие его башен, дворцов и пагод указывало на такие высокие и грозные умы, такие силы, такую благородную и полную ясности волю, что человеческое поселение по соседству казалось ничтожным.

– Вечный небесный город, – сказал я. – По сравнению с ним наша столица – горсть пыли.

– Но горсть пыли будет здесь и завтра, – ответила Юка. – А вечный небесный город навсегда исчезнет через час. Разве это не странно?

Я внимательно поглядел на нее – но ничего не сказал.

Со времени моей первой встречи с Ангелами мне не давал покоя один вопрос. Почему, почему они назвали ее «проекцией моего сознания»? И отчего – «в техническом смысле»? Что значила эта темная казуистика?

Теперь, когда мои занятия с Менелаем закончились, я мог спросить об этом Ангела Воды. Но идти в часовню я не хотел. Мне казалось правильным выяснить все при Юке – прямо здесь, на террасе.

На шпиле далекого собора блестела в закатных лучах золотая фигура ангела – если фашисты говорили правду, этого было достаточно.

Я мысленно попросил Ангела отозваться.

– Здравствуй, Алекс.

Услышав голос Ангела Воды, я тут же увидел его. В этот раз он выглядел не так внушительно. Полупрозрачный и маленький, он висел в пустоте – и сквозь него было видно закатное небо.

Я вскочил на ноги и распростерся в поклоне.

Юка тоже поднялась, и на ее лице мелькнул испуг.

– Что случилось, Алекс?

– Я буду говорить с Ангелом, – ответил я. – Подожди пока в стороне, прошу тебя...

Юка послушно кивнула – и пошла к краю террасы.

– Ты можешь сесть, – сказал Ангел.

Я сел на прежнее место и поднял глаза на Ангела. Выглядел он смешно, потому что сквозь него был виден шпиль собора – и он казался прозрачным головастиком, насаженным на гвоздь.

Ангел отодвинулся в сторону.

– Мы слышим все, что ты думаешь, обращаясь к нам.

Кажется, я покраснел – моим щекам стало жарко. Ангел засмеялся. Его смех был тихим и успокаивающим, похожим на серебристый плеск.

– Я не боюсь выглядеть смешно, – сказал он. – Это лучше, чем ужасать.

– Я завершил занятия с Менелаем, – сообщил я.

– Знаю, – ответил Ангел. – Сегодня можешь отдохнуть. Завтра я дам дальнейшие инструкции.

– Теперь я могу задать свой вопрос?

– Какой?

– Когда Ангелы обсуждали мой экзамен, я услышал нечто странное. Что в техническом и каком-то еще смысле Юка – моя проекция. В прошлый раз у нас не нашлось времени говорить об этом. Но сейчас я могу наконец спросить – о чем шла речь?

– Именно о техническом аспекте проблемы, – сказал Ангел. – В тот момент был важен только он.

– Но какой...

Ангел поднял руку. Это простое движение выглядело величественным и гордым, словно его сопровождал невидимый взмах крыла.

– Я хочу предупредить тебя, Алексис, – сказал он, – что дальнейшие расспросы вряд ли увеличат количество твоего субъективного мирского счастья. Подумай, следует ли продолжать.

– Я хочу знать все, что касается Юки, – ответил я. – И потом... Это может быть важно в государственном смысле.

Ангел засмеялся.

– Государственному мужу я, конечно, отказать не могу. Тогда слушай. Никколо Третий сказал, что в нашем мире не используют baquet. Это не так. Несколько приборов у нас осталось, и Ангелы тщательно следят за каждым. Твоя подруга Юка – порождение одного из них, установленного в Оленьем Парке.

– Что?

– Она фрейлина категории «Зеленые Рукава». «Зеленки» – своего рода овеществленные галлюцинации. Сгущения Флюида. Это не совсем люди. Они не существуют отдельно от того, кто их воспринимает. Во всех прочих смыслах они так же реальны, как ты сам – но лишь на то время, пока ты их видишь.

Мне показалось, что у меня в груди перевернулось ведро с ледяной водой.

– Но ведь «зеленку» видят и другие, – сказал я. – Гости, слуги и так далее. У них тоже галлюцинация?

– Фрейлина «Зеленые Рукава» – не галлюцинация, – сказал Ангел. – Это овеществленная галлюцинация. Она не мерещится. Она есть. Но не всегда. Она существует, когда ты ее видишь. Или когда ее видят другие. Но другие обычно видят ее недолго – тогда, когда она возникает перед ними в обществе своего господина. Сама она никому из них не явится.

– У Юки есть свои комнаты, – сказал я. – Там убирают слуги.

- И если ты спросишь их о ее самочувствии, - подхватил Ангел Воды, - им покажется, что они совсем недавно ее видели. Но это будет лишь реакцией Флюида на твой вопрос.

- Она любит кататься на лошади.

- Она может кататься на лошади точно так же, как ты. Вы ничем не отличаетесь - кроме того, что у Юки нет независимого существования. Она возникает из твоего внимания, уловленного полем материализации, которое создают на расстоянии медиумы Оленьего Парка. Юка появляется для тебя, но другие тоже могут ее видеть. Когда вы расстанетесь, ее некоторое время может поддерживать и чужое внимание. Хотя бы даже лошади. Но потом она исчезнет.

- Куда?

- Исчезать не надо куда-то, - сказал Ангел. - Исчезать можно никуда.

- Почему тогда она появляется в следующий раз?

- Потому что ты хочешь ее увидеть. Это очень затратное удовольствие, и «зеленки» доступны только высшим должностным лицам Идиллиума. Тем, рядом с кем ни в коем случае не должен появиться соглядатай в юбке. Шпионить через женщин - обычная методика разного рода заговорщиков. Не представляешь, сколько бед нам удалось предотвратить таким образом...

Государственный аспект проблемы, однако, интересовал меня меньше всего - наверно, для своего ранга я был еще незрел.

- Юка говорила, что, если их отправляют назад, они переходят в разряд гетер ниже рангом... Кажется, «Красные Рукава».

- У них подробно продуманная мифология, - сказал Ангел Воды. - Любая «зеленка» знает ее наизусть и искренне в нее верит - на то время, пока она появляется. У них действительно есть личное прошлое. Медиумы Оленьего Парка создают «зеленок» постепенно, как пишут книгу или высекают из мрамора скульптуру. Каждую выдерживает и фиксирует в своем

коллективном внимании десятков профессионалов. Можно сказать, что специалисты Оленьего Парка обучают их, подолгу работая над тем, что запечатлено в их памяти. Самые совершенные образцы формируются несколько лет. А характеры им придумывают лучшие драматисты.

– Юка рассказывала, что во время летнего солнцестояния они бьют чучело Смотрителя тапком.

– Вполне возможно. Медиумы Оленьего Парка на время работы освобождаются от всех моральных обетов. Подобные девиации нужны, чтобы в характере появилась непредсказуемость и глубина. Все это будет приятно удивлять заказчика... «Зеленка» – не подделка. Она живое облако смыслов и памяти, оплотняющееся Флюидом каждый раз, когда ее вызывают к жизни. В остальное время ее не существует.

– Не верю, – сказал я. – Что за чушь. Однажды Юка при мне порезала палец. И я помню, как постепенно заживал этот порез. Целую неделю или две. В конце концов остался маленький шрам. В это время мы с нею много раз расставались и встречались. Иногда я не видел ее целыми днями. Что, этим порезом специально занимался департамент Воды?

– Нет, – ответил Ангел, – им занимался ты сам. Наш департамент просто создавал все требуемые условия, чтобы это стало возможно.

– Но если Юка может порезаться, чем она тогда отличается от живого человека? – спросил я.

– Лишь одним. Живой человек реален, а она идеальна. Как сон в летнюю ночь. Как улыбка Джоконды. У нее нет собственной кармы. Есть только зыбкое облако свойств. Такой совершенной женщины не может быть на самом деле. У тебя ведь возникало подобное чувство?

– Много раз, – признался я.

– Ну вот. Оно тебя не обмануло.

Я чувствовал опустошение и растерянность – как будто Великий Фехтовальщик вновь дотянулся до меня из небытия своей отравленной шпагой.

– Что же она... Какая-то эктоплазма? Мираж?

– Нет, – ответил Ангел Воды терпеливо. – Повторяю, она поток Флюида – и так же реальна, как эти мраморные вазы. Или, лучше сказать, так же реальна, как Галилео и ты сам. Но Галилео есть и тогда, когда ты его не видишь. А вот Юки нет.

Я задумался. Что-то в его объяснениях не сходилось. Или, может быть, Ангел просто недоговаривал.

– Я хочу знать детали, – сказал я. – Вот когда мы с ней говорим, откуда берется ее ответ? Конкретно?

– Ты твердо уверен, что хочешь знать? – спросил Ангел.

– Да.

– Когда ты что-то говоришь «зеленке», тыходишь в контакт с дежурной группой медиумов-драматистов Оленьего Парка. Они находятся в другом состоянии сознания – или, скажем так, у них иная субъективная скорость времени. Когда ты задаешь Юке вопрос, они совещаются, какой ответ лучше дать. В их субъективном времени каждый раз проходит несколько минут перед тем, как Юка отвечает. Так что у них полно времени на размышление. Именно поэтому она такой интересный собеседник.

Я поглядел на Юку.

Словно почувствовав мой взгляд, она повернулась и помахала рукой. Я улыбнулся в ответ. Что-то с моей улыбкой, похоже, было не так – она вытаращила глаза. Второй раз у меня получилось лучше, и она, пожав плечами, отвернулась к вечернему городу.

– Драматисты придумывают и ее мимику тоже?

- Да, - сказал Ангел Воды, - этим занимается приписанный к ней личный мим.

- Понятно. Значит, каждый раз, когда мы остаемся с ней в спальне вдвоем, на деле нас там гораздо больше? И несколько почтенных монахов все время смотрят эротический водевиль со мной в главной роли? Даже не смотрят, а, так сказать, вовсю участвуют?

- Можно увидеть вещи и таким образом, - усмехнулся Ангел. - Хотя, например, Никколо Третьему этот аспект происходящего никогда не мешал получать удовольствие от общения с «Зелеными Рукавами». Он даже придумал специальный термин - «фуа-гра любви».

- Он был ценитель, я знаю... Да, теперь понятно.

- Что понятно? - спросил Ангел.

- Почему он так вел себя с Юкой. Он знал, что говорит с этими... Драматистами.

- Ну вот. Почему бы тебе не взять с него пример? Если каждый раз вспоминать, что делают с гусем для получения паштета, тебе кусок не полезет в горло. Но люди как-то справляются. И потом, Алекс, ты заглядывал когда-нибудь в душу красивой молодой женщины, имеющей любовника?

- Нет, - ответил я. - Меня этому не учили.

- Не делай такого никогда - даже если у тебя появится возможность. В этом залог смешного и глупого мужского счастья, к которому ты так привязан.

С каждой минутой мне делалось все тревожней.

- А что там такое?

- У нас нет времени на обсуждение этих вопросов, - сказал Ангел. - Но поверь, если бы ты заглянул в обычную женскую голову и узрел весь синклит населяющих ее демонов, чертей, леших и кикимор, не говоря уже о древних рыбах и звероящерах, ты понял бы, какое это счастье, когда в сознании твоей любимой звучат только умные, доброжелательные и взвешенные голоса наших

специалистов. Поверь, этот вариант – самый чистый и безопасный из всего, что могут дать плотские отношения.

– Не сомневаюсь, – буркнул я. – Беда в другом.

– В чем же?

– Когда она в следующий раз скажет «дай я подержусь за твоего малыша, пока он не станет большим», я сразу представлю себе лысую монашескую голову, где родилось это высказывание.

– Возможно, – сказал Ангел, – мне не следует знать так много о деталях твоей личной жизни.

– Прошу прощения.

– Ничего страшного, – ответил Ангел. – Я ведь предупреждал, что есть вещи, которых лучше не выяснять. И другие тебя предупреждали. Ты даже не представляешь, Алекс, до чего таких вещей много.

Я поглядел на Юку.

– Минуту назад я думал, что она жива.

– Она жива, – терпеливо сказал Ангел. – Просто не так, как ты. И не всегда.

– Но почему нельзя сделать так, чтобы она была всегда?

– Потому что она перестанет быть идеальным существом. Сейчас реальность не имеет над ней власти. Вас не обременяет тысяча неприятных мелочей, происходящих с любовниками. Знаешь, как бывает – ты расстался с девушкой, которую любишь больше жизни, встретил ее через три дня и понял, что это чужой человек. На нее даже неприятно смотреть.

Что-то очень похожее происходило со мной прямо сейчас – только три дня сжались до трех минут.

– Пытаясь разобраться, что произошло за эти три дня, – продолжал Ангел, – люди пишут толстые романы. С Юкой такого не случится. Она действительно может порезаться при тебе – но не может порезаться без тебя. Она всегда в точности такая, какой ты ее ждешь, разве нет?

Я неуверенно кивнул. А потом спросил:

– Значит, она на самом деле меня не любит?

– Когда ты рядом, она тебя любит.

– Вернее, – сказал я, – меня любит сразу целый авторский коллектив?

Ангел Воды засмеялся. И чем сильнее вытягивалось мое лицо, тем громче он хохотал. Наконец Ангел успокоился и ответил:

– Земной мудрец Шопенгауэр, живший вскоре после Исхода, сказал, что чужое сознание существует лишь косвенно, ибо лишенный магических сил наблюдатель в состоянии ознакомиться только с поведением другого существа. В этом косвенном смысле Юка любит тебя всегда. А прямой смысл в мире один, и никакого отношения к плотским радостям он не имеет... Все, разговор закончен. Завтра днем приходи в часовню. Я стану тебя учить.

И Ангел исчез из моего поля зрения.

Я несколько минут оглушенно сидел на месте, глядя на переливающуюся эмалевую чешую ближайшего ко мне дракона. С каждой минутой ее мерцание делалось ярче – пока я не понял, что вокруг уже темно. А потом ко мне подошла Юка.

– О чем ты с ними говорил? – спросила она, садясь за стол. – С этими своими...

Она спирально провела в воздухе рукой. Этот жест час назад показался бы мне очаровательным, но теперь я вспомнил слова Ангела о персональном миме. Этот мим наверняка *le bougre*, подумал я с тоской, нормальный мужчина так не сможет. Артистизма не хватит.

– Что ты слышала? – спросил я.

– Ничего, – сказала она. – Ты выглядел крайне возбужденным и что-то бубнил себе под нос. И совершенно забыл про бедняжку Юку.

Вместо того чтобы улыбнуться, как это произошло бы до разговора с Ангелом, я представил себе небольшой творческий коллектив, десять минут обсуждавший эту фразу в растянутом времени, прежде чем вывалить ее на меня. И вместо волны обожания испытал отвращение.

А Юка еще подлила масла в огонь.

– Ты плохо себя вел, – сказала она. – Поэтому сегодня я тебя накажу. Привяжу тебя к кровати. Заклею тебе один глаз и надену на тебя твою черную треуголку. Всегда мечтала изнасиловать пирата... Алекс, что с тобой? Почему ты так морщишься? Тебе плохо?

– Я в порядке, Юка, – ответил я. – Просто очень устал.

– Ангел сообщил что-то важное? Какие-то новости?

– Да, – сказал я. – Есть хорошая и плохая. С какой начать?

– Гм... Меня учили, что есть две великие школы ответа на этот вопрос. Каждая из них безупречно аргументирует свою точку зрения. Тебе интересно как?

Глядя на нее с холодным любопытством, я кивнул.

– Начинатели с плохого утверждают, что запоминается лишь последнее впечатление – ибо оно оставляет окончательное послевкусие. Быстро проглотив плохое, надо постараться сразу забыть его, заев хорошим. А вот начинатели с хорошего говорят, что все хорошее приходит ненадолго и надо наслаждаться им именно в те секунды, когда оно происходит. Лучше не омрачать вкусом плохого те несколько мгновений, когда хорошее с нами – плохое все равно захлестнет нас своей мутной субстанцией...

Она несла эту очаровательную женскую чушь с озорной улыбкой, поглядывая мне за спину, словно там висела шпаргалка – как школьная отличница, отвечающая урок.

В любое другое время меня восхитила бы эта пантомима. Но я опять подумал о медиумах Оленьего Парка, висящих в своем растянутом времени, – и представил, как в одной лысой голове рождается этот уютный текст, в другой – милая мимика, и как потом они соединяются в безупречное представление в третьей голове.

Моей.

Теперь так будет со всем – всем без исключения, что мне в ней нравилось, с ужасом понял я. Мое счастье рушилось в тартарары.

– Так с чего начать? – повторил я. – С хорошего или плохого?

– С хорошего, – улыбнулась она.

– Сегодня ты прекрасна, как никогда.

Я ни капли не кривил душой.

– А плохое?

– В ближайшее время мы не сможем видеться. Ангел сказал, что мне понадобится вся моя энергия для овладения Флюидом.

– Сколько это будет продолжаться?

– Не знаю, – ответил я. – Когда кончится, ты узнаешь первой.

– Но сегодня мы еще...

– Нет, – сказал я. – Все очень серьезно. Иди к себе прямо сейчас.

Она кивнула, поцеловала меня в щеку (мне потребовалось усилие воли, чтобы не отстраниться) и пошла к выходу с террасы.

Почему, думал я, глядя ей вслед, ну почему я не послушал невозвращенца Менелая? Теперь вот Юка тоже стала невозвращенкой. Я помнил точный момент, когда это произошло – она отошла от стола к краю террасы и больше ко мне не вернулась...

Мне показалось, что светящийся дракон заваливается в темноте набок, а потом я понял – это слезы в моих глазах искривляют мир.

III

В этот раз Ангел выглядел куда скромнее. Часовня вокруг него не меняла своих очертаний, и сам он казался похожим... я знал, что он услышит – но ничего не мог поделать: он походил на надувную куклу. На полуспущенный воздушный шарик серебряного цвета, кое-как порхающий над полом.

– Могу я спросить про Юку? – начал я.

– Нет, – наморщился он. – Не сейчас. Если ты серьезно относишься к происходящему, ты должен задать совсем другой вопрос.

Хоть я теперь относился к происходящему не просто серьезно, а даже и мрачно, других вопросов у меня не было.

– Ты должен спросить, – пришел Ангел на помощь, – что случилось с Кижем после того, как Павел воскресил его в Идиллиуме.

– Хорошо, – отозвался я послушно. – Что случилось с Кижем после того, как его воскресили?

– Павел подверг его страшному наказанию.

– За что?

– Киж совершил неподобающее деяние, – сказал Ангел. – Нечто такое, чего Павел не смог простить, несмотря на всю свою кротость. Воспользовавшись своим сходством с Павлом, Киж тайно овладел подругой и спутницей Павла Анастасией – причем успел совершить злодеяние много раз. Он считал, что имеет на это право, поскольку Анастасия совершенно точно относилась к числу прекраснейших женщин эпохи и, следовательно, была ему обещана. Когда все вскрылось, Павел был разъярен. Он отправил Кижам пешком в Сибирь. Мало того, Павел распорядился, чтобы будущие Смотрители тоже оживляли Кижам и ссылали его в Сибирь. Киж при этом должен помнить все свои прежние ссылки...

Я понял, куда он клонит.

– То есть мне надо будет оживить его и заново сослать?

Ангел кивнул.

– Но за что мне наказывать собственного предка?

– Не думай об этом как об экзекуции, – сказал Ангел. – Для каждого Смотрителя это важный шаг в овладении Флюидом. Не сделав его, ты не сможешь провести Saint Rapport. Как и все, что завещал нам Павел Великий, это действие имеет глубокий смысл.

– Ладно, – вздохнул я. – В чем же он?

– В управлении Флюидом есть три ступени. Павел назвал их «мертвая», «живая» и «предельная». Мертвая – это искусство обращения с материей. То, чему учил Менелай. Теперь тебе предстоит создать живое существо, причем сразу человека. Это и сложно, и легко. Легко, потому что тебе не надо ничего выдумывать. Киж – как бы форма, которая пропустила через себя уже много отливок. Воскресив Кижам, ты постигнешь «живую» ступень.

– Хорошо, – сказал я. – А зачем ссылать его в Сибирь?

– Затем, – ответил Ангел, – что никакой Сибири у нас нет. Тебе придется сотворить ее заново, как сделал Павел.

– Что? Всю Сибирь?

– В известном смысле да. Тебе предстоит создать своего рода мешок восприятия, или пространство возмездия, куда низвергнется Киж. По сути, это сотворение нового мира. Оно требует высочайшего душевного напряжения и мобилизации всех эмоциональных сил. Такая ступень власти над Флюидом называется «предельной».

– А я смогу это сделать?

– Сможешь, – улыбнулся Ангел. – Павел Великий продумал эту часть обучения будущих Смотрителей до мелочей. Высшие ступени только кажутся невозможным делом. Ты взойдешь на них легко и незаметно для себя, поверь. Помогут обстоятельства... Иди к себе и занимайся в уединении. Сперва ты должен изучить Сибирь – чтобы, возродив Киж, ты был готов ко всему дальнейшему. Тебе пришлют необходимые материалы.

В тот же день фельдъегерь доставил мне большой коричневый пакет. В нем были старинные виды Сибири – рисунки и гравюры, в основном конца восемнадцатого века, а также несколько ветхих географических брошюр. Похоже, Ангел не шутил.

Около часа я изучал изображения заснеженных трактов, окруженных огромными пустотами – пространственными и смысловыми. Изредка в пустоте появлялись похожие на города остроги, похожие на остроги города и даже какие-то полярные кремни, ужасавшие своей претензией на красоту.

Сосланные реки в ледяных кандалах. Самоеды в мехах. Мосты, прогибающиеся под тяжестью намерзшего льда. Лошадки под высокими дугами, похожими на нимбы древних стратотерпцев.

Лошадок было особенно жалко – их-то за что впрягли? В общем, стало ясно, почему в Сибирь ссылали... Запомнить эти угнетающие картины не представляло труда – но я подозревал, что их будет сложно забыть.

Особенно неприятное впечатление на меня произвела одна французская гравюра, несколько отличавшаяся по стилю от остальных: она изображала так называемую «по?рочную избу» – такие, как следовало из разъяснительного текста, ставились когда-то на каждой почтовой станции, чтобы ссыльные, бредущие к ледяной смерти, могли получить по дороге очередную порцию розог.

Перед избой стояло корыто водки, откуда палачи пили перед экзекуцией, и громоздилась груда костей, похожих на скелет кита (сосланного, подумал я, за неловкий взмах хвоста в петербургском зоологическом саду – и засеченного пьяными эвенками насмерть).

Срок, отведенный на мои мнемонические упражнения, был рассчитан на среднюю память: несколько дней дали на то, для чего мне требовалась всего пара минут. В результате я не просто ознакомился с видами Сибири – я в нее попал.

В моей душе выл ледяной ветер. Но дело было не в картинках – чтобы он поднялся, достаточно было вспомнить о Юке. Видеть ее я не мог, забыть – тоже.

А еще я размышлял о себе самом.

Я всегда считал себя настоящим мужчиной. Так оно, видимо, и было, но раньше я не до конца понимал, что это словосочетание означает. Теперь же меня накрыла ясность.

Мы, мужчины, тщательно культивируем суровый героизм своего облика, думал я, – хотя, если разобраться, бритые черепа и небритые челюсти, подбитые ватой плечи и воинские амулеты на раскрытой груди являются просто разновидностью накладных ресниц, ибо выполняют симметричную функцию. Но изнутри мужчина – удивительно капризное и неблагодарное существо, наделенное этими качествами в пропорциях, давно выметенных из остальной природы естественным отбором.

Когда рядом спутница, по-настоящему близкая к совершенству, мужчина снисходительно отмечает, что его личная жизнь кое-как обустроена, – и даже ставит себе в карму ежедневные плюсики за то, что в душевной снисходительности прощает подруге ее смешные недостатки. Расплата наступает, когда спутницу отбирает судьба – и мужчина начинает понемногу

припоминать, что такое физиологическое одиночество.

Со мной происходило именно это. Ужас и парадокс ситуации заключались в том, что Юка была по-прежнему рядом (если это слово применительно к ней вообще имело смысл) и в ней не переменилось ничего. Но я не мог ее больше видеть – по причинам, которые, полагаю, ясны.

Теперь любая мысль о ней за несколько секунд приводила к пропасти, откуда веяло сибирским абсурдом. Например, я думал, не тревожит ли бедняжку то, что я пропал на такой долгий срок, – и тут же вспоминал: беспокоить это может только авторский коллектив Оленьего Парка.

Мне хотелось позвать ее и объясниться полностью, начистоту – но я сразу вспоминал, с кем буду говорить на самом деле. В результате я начинал придумывать, что сказал бы за нее сам, если б создавал ее вместе с другими драматистами... Словом, любая мысль о ней обрывалась болью.

И вместе с тем я не перестал любить ее ни на миг. Юка, несомненно, существовала – она была отчетливо оформленной личностью. Ангел Воды говорил правду – то, что она появлялась в результате коллективного усилия некой группы специально обученных людей, не делало ее хуже.

Наоборот, это делало ее лучше. Она совершала меньше ошибок, потому что у нее (или у ее создателей, какая разница) хватало времени подумать. Если бы я только послушал Ангела и сохранил свое спасительное неведение, я до сих пор был бы счастлив.

Но было уже поздно.

Оставалось одно – исполнять свой долг. Это означало пропитываться духом Сибири, на знакомство с чем мне отвели так много времени. В результате я погрузился в холод, мрак и стужу куда глубже, чем это предполагали присланные мне географические материалы.

Когда фельдъегерь доставил мне второй коричневый пакет, я испытал большое облегчение оттого, что мое ледяное безделье наконец прекратилось.

В пакете была папка со старыми карандашными рисунками, две цветные гравюры и маленькая склянка с притертой пробкой. На рисунках был изображен некто очень похожий на Павла Великого. Я знал уже, что это Киж.

Рисунки принадлежали самому Павлу – тот, как оказалось, был отличным рисовальщиком. Они изображали разные мимические гримасы Киж. Возможно, фиксируя их, Павел сознательно пытался запечатлеть свое творение непохожим на себя – чтобы доказать, что создал не двойника, а лишь зеркальную обезьяну. Это отчасти удалось – рисунки были безжалостными и смешными.

Гравюры не добавляли к образу Киж ничего радикально нового. У него было лицо Павла. Но зато я во всех подробностях рассмотрел его офицерскую форму – это был мундир полковника. Странно, я думал, что Киж умер генералом.

В склянке оказались старые духи со сладким навязчивым запахом. Я понял, что ими когда-то душился Киж, – и тут же споткнулся о слово «душился», вспомнив про шарф и табакерку. Именно эта мысль вызвала окончательную кристаллизацию: теперь, закрыв глаза, я без труда мог его увидеть. Он был похож на Павла. Но не был Павлом.

В следующую нашу встречу Ангел выглядел лучше.

– Можешь приступать, – сказал он. – Сотвори Киж. А затем сошли его в Сибирь.

– Звучит просто, – усмехнулся я.

– Но это действительно просто, Алекс. Сложность лишь в том, что само движение воли, создающей живое существо, очень особое. Нужно как бы искривить Флюид определенным образом. Это с непривычки может показаться извращением или даже святотатством.

– Что значит «искривить»? – спросил я.

– Надо заставить Флюид изогнуться так, чтобы он одновременно образовал зеркало и находящийся перед ним объект. Восприняв свое отражение в себе самом, Флюид решит, что этот объект – он. Что будет, разумеется, чистой правдой – но и на редкость хитрым обманом. Как только капкан защелкнется,

мы получим новое смертное существо.

- А как превратить Флюид в зеркало?

- Ничего не надо делать. Флюид зеркален изначально.

- Когда я получу дальнейшие инструкции?

- То, что я сейчас сказал, и есть инструкции, - ответил Ангел. - Их вполне достаточно. Я даже наговорил лишнего - все необходимые сведения были в дневнике Павла. Этому нельзя научить. Можно лишь научиться. Ты все поймешь сам, когда примешься за дело.

- Но...

Он остановил меня ладонью.

- Может быть, рядовому алхимику этого было бы мало - но ты Смотритель, обладающий силой Ангелов.

- Вы дадите мне еще какой-нибудь совет?

- Только один, - улыбнулся Ангел. - Надень треуголку.

Вся сила Ангелов... Ангел Воды в последнее время не выглядел особенно сильным. К счастью, я подумал это, уже выйдя из часовни.

Но Ангел говорил правду.

Моя задача была не так уж сложна, особенно по сравнению с тем, что совершил когда-то Павел. Этот титан, стоявший у колыбели нашего мира, ваял свое детище прямо из потока Флюида, как скульптор лепит из глины смутно проступающую в его воображении фигуру. При этом неизбежны были просчеты и ошибки - они, вероятно, и объясняли столь странный результат.

Мне же предстояло всего лишь оплотнить уже существующий объект: вырвать его из пространства мысли и соединить с материальной основой. Мне не надо было задумываться над обликом моего творения, над его характером, над его воспоминаниями и привычками – все это каким-то образом уже существовало. От меня, по сути, требовался просто акт воли.

Киж был идеальным манекеном для тренировки еще по одной причине: воплощая его заново, я не вторгался в область Промысла, а оставался как бы в тени магического акта, совершенного когда-то Павлом. Никколо Третий назвал этот принцип главным законом нашего мира; очень разумно было придерживаться его в таком рискованном начинании, как мое.

Секретная лаборатория Михайловского замка, где все Смотрители проходили через это испытание, полностью повторяла по форме петербургскую лабораторию Павла – только была перенесена на верхний этаж. Она давно пришла в запустение – но ее специально не ремонтировали, чтобы сохранить жутковатый отпечаток столетий.

По традиции я должен был войти в лабораторию один. Поднявшись в этот старомодный лофт по винтовой лестнице (ее касались когда-то ботфорты Павла), я с трудом открыл тяжелую дверь. Мне сразу стало не по себе.

Лаборатория напоминала высоко вознесенный склеп. Если не считать длинного дубового стола и двух стульев, комната была совершенно пуста. Запах мышей и сырости, тусклые стекла окон, желтые и синие пятна на сводах потолка – такое трудно было подделать.

Я увидел в стене нишу, упомянутую в дневнике. Именно в ней, видимо, раз за разом возникал Киж. В этом углублении было что-то зловещее – из его стен до сих пор торчали ржавые крючья.

Минуту или две я пытался представить, как лаборатория выглядела при Павле – а потом понял, что просто оттягиваю время.

Надев треуголку, я сосредоточился. Соединив в своей памяти все, что составляло Киж – запах его духов, запечатленные Павлом гримасы, цвета его мундира, – я собрал вокруг себя вихрь Флюида и вместе с ним вовлекся в невыразимый волевой акт, велел Флюиду заполнить созданный мною образ.

Начать было легко – как оттолкнуться ногами от края крыши. Но уже в следующую секунду мне стало ясно, насколько опасны подобные опыты.

То, что я делал, действительно напоминало отливку статуи из расплавленного металла. Но в форме оставалось слишком много дыр. Хотя я и вообразил Кижю со всею доступной мне тщательностью, этого оказалось недостаточно, и в мой ум впились тысячи крохотных коготков. Каждый из них был маленьким вопросом, который как бы задавала мне одна из занятых творением бесчисленных сущностей...

Я не смог бы ответить всем – но к счастью, можно было просто оставить Кижю таким, каким он отпечатался в памяти Флюида.

Теперь я понял, до чего ничтожны мои способности по сравнению с Павлом Великим: когда тот создавал двойника, подобной опции у него не было. Впрочем, великий алхимик тоже, скорее всего, не отвечал на эти бесчисленные вопросы сам – такое превосходило человеческие силы. Он использовал энергию чужих ожиданий, мастерски возбужденных его якобы ошибочным приказом. Именно для этого он и выращивал столько лет своего Кижю из домыслов и слухов.

Чем глубже я вовлекался в алхимический процесс, тем лучше понимал, в какую авантюру ввязался.

Инструкция Ангела оказалась неполной. Недостаточно было разделить Флюид на образ нового существа и зеркало. Зеркальный Флюид обязательно должен был окружить зарождаемое сознание со всех сторон – но при этом новому существу и отражающему его зеркалу следовало оставаться одним целым.

Выходило, что они могли соприкоснуться лишь одной точкой, и спрятать ее можно было единственным способом – поймав в ней сознание создаваемого существа. После этого пузырь немедленно начинал видеть свои отражения во Флюиде со всех возможных сторон – и решал, что он действительно есть. В известном смысле это было правдой.

Присутствующая здесь изощренность напоминала даже не святотатство, как сказал Ангел, а продуманное военное преступление. Но ужас был в другом. Во время манипуляций с Флюидом мне стало ясно, что и сам я, и все другие

люди скроены по такому же точно образцу: иного механизма просто не существовало.

Читая когда-то в древних книгах, что «я» – преграда, отделяющая человека от его вечного источника, я всегда понимал это в туманно-возвышенном смысле, даже отдаленно не представляя грубого практического смысла этих слов.

Теперь я понял наконец, что они значат.

Дети, думал я, иногда берут обрывок воздушного шарика, засасывают тонкую резину в рот и перекручивают ножку, создавая новый воздушный шарик – крохотный и очень туго натянутый. А потом с грохотом взрывают его, ударяя о стену... Я и сам развлекался так в детстве, совершенно не догадываясь, что моделирую свою собственную суть – и рождение, и смерть.

Но я размышлял об этом недолго: алхимический процесс требовал слишком серьезной концентрации, чтобы отвлекаться на философию.

На самом деле Ангел был прав – нюансы выяснялись во время работы сами. Я мог не волноваться, что забреду куда-то не туда. Маршрут был один, и Флюид хорошо его знал. Мало того, Флюид безропотно подсказывал, что и как следует делать, хотя сама суть моих манипуляций заключалась в том, чтобы обмануть его самым неприглядным способом.

Внешне все выглядело просто. Подняв руки и повернув их ладонями к темной нише, я ушел в глубокое сосредоточение, позволив Флюиду открыть мне все то, о чем я только что рассказал. Никаких пассов я при этом не совершал – подозреваю, что Месмер в свое время делал их исключительно из артистизма.

Когда мне удалось правильное волеизъявление (теперь я знал, что это сложно лишь в первый раз), раздался сухой треск – и комнату заполнили разноцветные огни, подобные северному сиянию. Сияние было густым, как туман в дождливое утро – и совершенно скрыло за собой стенную нишу.

Aurora Borealis, подумал я, опуская руки. Павел и Франц-Антон не зря выбрали это имя...

Дело было сделано.

Прошло полминуты, сияние рассеялось – и я увидел Киж.

Он стоял на коленях. На его руках были кандалы, прицепленные к стенным крючьям (я не сковывал его специально – но испытал облегчение при виде этого железа).

Киж был в точности таким, каким я его представил: мундир, двуголка с опушкой, курносое лицо, чуть бульдожьи глаза навывкат. На полу перед ним лежал мешок – залатанный и объемистый, перевязанный розовой лентой (с похожим часто рисуют новогоднего Дедушку Клауса). А рядом был какой-то рулон – не то одеяло, не то свернутый матрас.

Ни мешка, ни одеяла я точно не создавал. Видимо, мироздание представляло себе Киж лучше меня.

– Полковник, – позвал я. – Слышите меня?

Киж обвел комнату глазами и остановил взгляд на мне – вернее, на моей шляпе.

– О-о-о, – простонал он, – о-о-о-о!

Похоже, бытие опять было ему не в радость.

– Полковник, – сказал я, – вы меня узнаете?

– Конечно, – ответил Киж почему-то по-немецки. – Ты истязатель, раз за разом вызывающий меня к жизненной муке – и обрекающий затем на боль смертную... Может быть, ты Павел, я не знаю. Зачем ты будишь меня вновь?

Я понял, что дело в черной маске, которую я на всякий случай надел перед процедурой. Должно быть, я выглядел несколько эклектично – кроме маски и треуголки, на мне был оранжевый домашний халат, похожий на монашескую одежду. Мне стало даже лестно от мысли, что древнее творение Павла принимает меня за своего создателя.

– Я не Павел, – сказал я.

– Верно ли это? – спросил он недоверчиво. – Сними свою маску.

Я снял маску – и тут же об этом пожалел.

Бульдожьи глаза Киж вдруг словно прыгнули к моему лицу, и мне показалось, что какая-то едкая воля кислотой затекла в мой мозг, сразу растворив в себе все мои тайны. Меня будто парализовало, а Киж вглядывался в меня все глубже и пристальней – пока наконец не втянул свою умственную кислоту назад. Только после этого я пришел в чувство.

– Да, – сказал Киж по-русски, – ты не Павел. Теперь я верю.

Сложив пальцы лодочкой (на одном из пальцев блеснул синим камнем большой перстень), он легко вынул руки из кандалов, подошел к столу и сел за него.

– Я, вероятно, скоро покину вас, ваша экселенция, – сказал он, переходя на «вы». – Ведь так?

Я ощутил, что это «вы» понизило мой статус: на «ты» называют богов и героев, к которым Киж, похоже, меня более не относил. Правда, я и сам почему-то называл Ангела Воды на «вы»... Я снова надел маску, но Киж уже утратил ко мне интерес.

– Меня зовут Алекс, – сказал я. – Скажи, за какой проступок Павел наложил на тебя столь тяжелую кару?

Киж надменно улыбнулся.

– Я хочу есть, ваша экселенция. Вина и жаркого. Перед ссылкой мне удастся нормально поесть лишь один раз. Если считать на ваши годы, я не ел лет семь или около. Обычно в этой комнате меня вкусно угощают. Не нарушайте порядок, заведенный вашими предшественниками.

– Но я должен...

– Я голоден, ваша экселенция, – перебил он. – Вы совершили серьезный грех, вернув страдающее сознание к жизни, так не усугубляйте же мою боль и муку. Они с каждой минутой становятся все сильнее! Если угодно, я могу заплатить...

Он сунул руку в карман, и я увидел на его ладони серебряный павловский глюк. Отчего-то я подумал, что он показывает его каждому очередному Смотрителю, стараясь сохранить хотя бы тень собственного достоинства, и мне стало его жаль.

– Хорошо, – сказал я. – Я постараюсь что-нибудь устроить.

Выйдя из лаборатории, я закрыл за собой дверь и повернул в ней ключ на два оборота.

Как назло, мне долго не попадался никто из прислуги – казалось, все специально куда-то попрятались. Наконец в одном из коридоров двумя этажами ниже мне встретилась всклокоченная счастливая горничная – она, должно быть, возвращалась к себе после свидания с садовником.

Я велел ей пойти на кухню и принести в лабораторию вина и жаркого. Она долго не понимала, где находится лаборатория. Мне пришлось лично отвести ее к самой двери и вывести назад. Затем я ненадолго спустился к себе и зачем-то освежил в памяти виды Сибири – говорю об этом, чтобы было понятно, как я нервничал.

Когда я вернулся в лабораторию, ключ по-прежнему торчал из двери, но я ощутил внезапную тревогу. Мне показалось... Нет, этого не могло быть, но мне показалось, что в воздухе разлит еле заметный аромат духов Юки.

Повернув ключ на те же два оборота, я раскрыл дверь и шагнул в комнату.

Увиденное потрясло меня настолько, что мне померещилось, будто моя душа – или воспринимающая сила сознания – покинула тело и смотрит одновременно на меня самого, входящего в лабораторию (оранжевый халат, черная маска с блестящими прорезями глаз, треуголка), и на то, что творится в комнате (лежащая на столе Юка, задранное до груди зеленое платье, стоящий рядом Киж со спущенными штанами, проворнодвигающийся бледным голым задом, где проступает малиновый чирей).

Самым же страшным был хриплый женский стон, хорошо знакомый мне по собственной спальне.

Глаза Юки были закрыты – а лицо искажал тот хищный оскал счастья, за которым я столько ночей отправлялся в долгие и рискованные экспедиции, без всякой уверенности, что сумею еще раз высечь эту искру из наших тел. У Кижы это каким-то образом получилось без всякого труда, с первой попытки – даже времени прошло не так много.

Он глядел на меня выпученными в издевательском ужасе глазами, а его бледные чресла работали все быстрее и быстрее. А потом он отпустил одну из ног Юки, и, не прекращая своих омерзительных рывков, отдал мне честь.

– Прекратить! – заорал я. – Молчать! Смирно!

Я по-прежнему как бы глядел на себя со стороны, и мне пришло в голову, что, судя по нехарактерным для меня выкрикам, в меня вселился дух самого Павла – и мы сейчас разыгрываем сцену, случившуюся в этих стенах больше двух столетий назад.

Мой крик, однако, был так страшен, что Юка пробудилась. Посмотрев на меня, а затем на склонившегося над ней Кижы, она яростно оттолкнула его, соскочила со стола и, жутко побледнев (это действительно было жутко, потому что миг назад ее щеки покрывал румянец наслаждения), бросилась прочь из комнаты.

Я сразу забыл про Кижы – и побежал за ней.

Мне не удалось настичь ее на винтовой лестнице. Мы пронеслись по коридору к лестничной площадке и через несколько секунд уже мчались вниз по ступеням – она на один этаж ниже. Ни единой мысли о медиумах Оленьего Парка не возникло в моей голове. Во мне остались только сострадание, любовь и жалость.

Я боялся, что не успею ничего ей объяснить и она вот-вот сделает с собой что-то страшное. Например, бросится в лестничный пролет... Но этажом ниже Юка исчезла в коридоре. Когда я оказался там же, она была уже далеко – и на моих глазах повернула за угол. А когда я добежал до угла, впереди ее не было.

Я не мог понять, куда она делась.

Передо мной был длинный коридор, увешанный картинами. В нем стояли две архаичные статуи – из той немыслимой древности, когда мраморные герои еще не обзавелись рельефными животами и стояли перед скульптором по стойке «смирно». Статуи были слишком маленькими, чтобы за ними спрятаться. Дверей здесь не было. Штор или портьер – тоже.

Юка словно растворилась в воздухе. Ее покои располагались за углом, но добежать до него она все равно не успела бы.

Самое время было ее навестить.

Меньше чем через минуту я распахнул дверь в комнату, служившую ей гостиной. Там никого не было. Но одна из внутренних дверей тут же открылась, и передо мной появилась Юка.

На ней было домашнее платье. Но не зеленое, как минуту назад. Оно было бледно-розовым.

Увидев меня, Юка открыла от радости рот.

– Алекс! Ну наконец-то!

– Где ты сейчас была? – спросил я строго.

– Здесь... Где же еще? Что случилось?

На ее лице было такое искреннее недоумение, что я сразу же решил ничего ей не говорить. Я оглядел комнату. На стене висели несколько античных редкостей, и среди них испанская фальката – кривой кавалерийский меч, ужасавший когда-то римских солдат.

– Ты пойдешь со мной, – сказал я Юке и снял фалькату со стены.

– Алекс, что случилось? Я никогда не видела тебя таким.

- Идем, - повторил я.

- Подожди, я приведу себя в порядок.

Я хотел сказать, что она и так в полном порядке, - но вспомнил волну жалости и любви, только что прошедшую через мое сердце, и решил не перечить.

Юка переодевалась долго. Я ходил по комнате, помахивая фалькатой, и успел многое передумать.

Во-первых, ее зеленое платье: даже если бы она каким-то чудом ухитрилась добежать до двери, она не успела бы снять его и надеть другое. Во-вторых... У меня все не шел из головы этот высасывающий душу взгляд Киж, впившийся в мои глаза, когда я снял маску. Мало того, я точно вспомнил теперь, что в последний раз видел Юку именно в зеленом платье. Могло ли быть, что Киж проник в мою память...

- Именно так, - сказал Ангел Воды.

Я увидел его размытую фигуру, висящую в воздухе передо мной. В этот раз я его не звал - он появился по собственной инициативе.

- Киж - дитя Павла, - сказал Ангел, - и обладает властью над Флюидом. Она досталась ему случайно - просто как тень способностей творца.

- Киж может создать из Флюида Юку?

- Нет, - ответил Ангел. - Но он может обмануть медиумов Оленьего Парка, ненадолго притворившись перед ними тобой.

- Как?

- Через тот же механизм, посредством которого ты спускаешься в его петербургскую эфирную оболочку. Только здесь этот механизм работает в другую сторону. Медиумы думали, что Юка с тобой.

Меня передернуло.

– Она что-нибудь помнит?

– Нет. Она... Вернее, они... В общем, можешь считать, что это было не с ней. Той Юки уже нет.

– Я убью Кижя, – сказал я.

В этот момент Юка вышла из-за двери.

– Я готова... С кем ты тут говоришь?

Было непонятно, чем она занималась столько времени – я не увидел никаких изменений в ее наряде. А потом заметил, что у нее чуть по-другому уложены волосы.

– Идем, – сказал я. – Я представлю тебя одному господину. Пусть он напоследок увидит тебя еще раз.

– Алекс... Ты меня пугаешь.

Когда мы шли по коридору, Ангел снова сгустился в воздухе передо мной.

– Алекс, – сказал он, – не вздумай убивать его.

– Почему?

– Потому что именно этого он и желает. Ты полагаешь, ему очень хочется в Сибирь? Он уже сделал свое дело, и смерть будет для него просто избавлением от мук холода и голода. Получится, он проехался зайцем.

– Тогда я убью его медленно, – ответил я. – Сначала отрублю руки, потом ноги...

Юка в ужасе смотрела на меня, не понимая, с кем я говорю. Должно быть, она решила, что я сошел с ума.

- Ты не первый, с кем это случилось, - сказал Ангел.

- Что значит - не первый?

- Киж поступает так с каждым Смотрителем. Их подруги - всегда прекраснейшие женщины эпохи, а слово, данное Павлом, не имеет срока давности. Но убили его только два раза, остальное время ссылали в Сибирь. Найди в себе силы сделать должное. Теперь в твоём сердце достаточно искренней ярости, чтобы у тебя все получилось.

- Так это специально так придумано? - прокричал я, яростно махнув фалькатой, и Юка шарахнулась в сторону.

- Таков порядок, установленный Павлом, - сказал Ангел. - Со всеми Смотрителями при этом испытании - тяжком, не спору - происходит одно и то же: возникает сильный эмоциональный вихрь, совершенно необходимый для сотворения нового пространства. Но не все впадают в такую истерику, как ты, Алекс... Веди себя прилично, твоя подруга от тебя в ужасе.

Это было правдой - но я был на таком взводе, что даже не задумался, кого Ангел имеет в виду - драматистов и мимов Оленьего Парка или их воплотившийся в женское тело спектакль, шагавший рядом. Впрочем, когда мы дошли до лаборатории, я уже взял себя в руки.

Ангел был прав.

Киж хотел, чтобы я его убил - не зря ведь первыми его словами, сказанными как бы спросонья, оказалась жалоба на муку жизни. Если он помнил происходившее при каждой прошлой ссылке, ему ведомы были и жизнь и смерть, и он, видимо, предпочитал смерть очередному северному путешествию. Сколько их у него уже было? Десять? Двадцать? Его ведь пару раз убили на месте...

- Это сделали Смотрители, предпочитавшие мальчиков, - сказал Ангел. - Их не связывало данное Павлом слово. К тому же Киж как-то совсем уж показарменному обошелся с их любимцами - в однополой любви он, как требует славянская традиция, презрителен и жесток. Но тебя слово Павла связывает.

Не окажись первым Смотрителем, кто его нарушит.

Я криво улыбнулся.

– Нет... Теперь я понимаю. Хитро задумано, господин полковник... Но не пройдет. Ты у меня попляшешь...

– Вот это уже лучше, – сказал Ангел. – Всегда в первую очередь помни о своем долге.

Он исчез, оставив меня вдвоем с Юкой, шедшей в нескольких шагах позади. Бедняжка опасалась, видимо, что я задену ее фалькатой.

Но я уже перестал ею размахивать – теперь моя злоба не бурлила, как лава извергающегося вулкана, а клокотала под крышкой сдерживающей ее воли, словно на медленном огне – не расплескиваясь, но и не утихая. Я мог только дивиться мастерству, с каким Ангел привел меня в это инженерно выверенное состояние – причем к тому самому моменту, когда мы с Юкой вернулись в лабораторию.

Киж сидел за столом спиной к двери – и закусывал. Перед ним стоял поднос с жарким, графин вина и бокал. Здесь же была и горничная – она сидела напротив Киж и слушала его рассказ. Когда я появился в дверях с фалькатой в руке, она подняла на меня круглые от ужаса глаза, – но Киж, занятый жарким, ничего не заметил.

– Самая красивая была у Антона Второго, – говорил он, жадно уплетая мясо. – Он потому что сам скульптор был, классического разума человек. Он ее из греческой статуи приспособил. Знаешь, безрукая такая. Только себе, конечно, с руками, все как положено. Она хоть в теле была. Я два раза успел, пока он за стражей бегал. А нынешние... Ни подержаться, ни ущипнуть. Как на пустой телеге ехать – только синяки набьешь. Последние сто лет вообще безмясье, одна видимость.

Меня поразило, что Киж успел переодеться – теперь на нем был перелатанный ватный балахон с красным ромбом на спине, а на голове – дурацкая облезлая шапка с задранными вверх ушами.

– Кто это? – спросила Юка.

Киж обернулся. Я ожидал, что он хотя бы поглядит на Юку, но он даже не обратил на нее внимания, словно она была предметом мебелировки. Почему-то это оскорбило меня сильнее всего, и моя рука с фалькатой сама прыгнула вверх.

– Алекс! – крикнула Юка. – Прошу тебя!

Но я уже справился с собой. Направив подрагивающий стальной клинок в нишу, откуда совсем недавно вылупился мой жуткий гость, я собрал весь свой гнев, всю бушующую во мне ненависть, все свое оскорбленное и растоптанное достоинство – и, взмыв на их обжигающей волне над временем и пространством, закричал:

– В Сиб-и-и-ирь! Пешко-о-о-м! Шагом а-а-арш!

И опять мне почудилось, будто эти слова исторг из себя не я, а овладевший мною дух великого императора, привычного не только к тишине алхимической лаборатории, но и к грохоту солдатских сапог.

Вслед за этим произошло нечто невообразимое – и совершенно мне прежде незнакомое.

Мне показалось, что я – камень в плотине. Сзади была бесконечная толща Флюида, давившего мне в спину. А единственная щель, сквозь которую Флюид мог вырваться на свободу, осталась на острие моей фалькаты.

С нее как бы ударил луч, проколовший наш мир – и создавший за ним какой-то быстро вытягивающийся мешок, где, как по волшебству, появились снега, избенки, остроги, реки, мосты и лошадки с присланных мне рисунков. А потом я увидел быстро перебирающую руками и ногами фигурку Киж, падающую прямо на них.

Он шлепнулся в снег, встал, отряхнулся – и увернулся от вонзившейся рядом фалькаты (сотрясение Флюида вырвало ее из моей руки). Затем он поймал упавший на него мешок, следом – свой свернутый мундир и, наконец, ловко подхватил поднос с вином и остатками жаркого, причем стоящий на подносе

графин даже не опрокинулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/viktor-pelevin/smotritel-kniga-2-zheleznaya-bezdna-11638776/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.me/viktor-pelevin/smotritel-kniga-2-zheleznaya-bezdna-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)